

## ОТЗЫВ

на автореферат диссертации П.Г. Носачева «Исследования западного эзотеризма в зарубежном религиоведении», представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Судя по содержанию автореферата, диссертация П.Г. Носачева представляет фундаментальное и новаторское исследование, имеющее завершенный характер и обладающее несомненной теоретической значимостью. Не вызывает сомнений актуальность темы работы, новизна и интеллектуальная «весомость» полученных соискателем результатов. Нацеленное на выявление базовых подходов к исследованию эзотеризма, сложившихся в религиоведении к настоящему времени, исследование П.Г. Носачева вносит существенный вклад в создание полной картины дел в этой сравнительно молодой, но динамично развивающейся академической области. Автор демонстрирует колоссальную эрудицию в отношении изученной темы, позволившую ему создать беспрецедентно масштабную панораму истории и современного состояния данной отрасли зарубежного религиоведения.

Формальным достоинством автореферата служит строгая ясность стиля, хотя текст не лишен грамматических недочетов. Кроме того, работу выгодно отличает глубокая продуманность композиции и терминологическая четкость (но стоило бы эксплицировать значение понятия «религионизм», которое неоднократно используется диссертантом без объяснения).

Положения, выносимые на защиту, в целом не вызывают сомнений. То единственное, что представляется спорным, содержится во втором тезисе и касается отнесения Ф.Э. Йейтс к представителям классико-рационалистического подхода. Представляется очевидным, что творчеству английской исследовательницы не присуще большинство тех характеристик, которые диссертант считает конститутивными для этого подхода, а именно: «утверждение жесткой оппозиции рационализм/иррационализм, абсолютное убеждение в рациональном и редукционистском познании религиозных явлений, (...) ирония как метод критики западного эзотеризма, политическая программа по диффамации эзотеризма» (с. 21). В противном случае кажется необъяснимым, к примеру, тот пиетет, который питают к наследию Йейтс приверженцы наиболее отличного от классического рационализма «американского подхода»: Мэйги [«Кант воспринимает Сведенборга серьезно» 2016], Лерич [Lehrich 2007] и др. То же можно сказать о центральных утверждениях самого П.Г. Носачева, согласно которым «Йейтс в своем подходе... изучает фон западного эзотеризма с полной серьезностью, подчеркивая его влияние на культуру и науку...» (с. 103 дисс.) и «для британской исследовательницы движущей силой культуры являются системы идей, одна из которых – сплав герметико-каббалистической традиции» (с. 102 дисс.) (что говорит как раз против жесткой оппозиции рационализм/иррационализм). Словом, мы думаем, было бы правильным, либо сделать ряд необходимых оговорок в отношении Йейтс, либо переформулировать базовые характеристики классико-рационалистического подхода, которые в нынешнем виде как будто подогнаны под образ мысли У. Эко (о Дж. Уэббе судить не берёмся).

Изложение содержания работы даёт достаточное представление о ее структуре и наполнении частей. В третьем параграфе главы I не вполне удовлетворительно, на наш взгляд, изложены основные «причины, по которым именно круг Эранос смог оформить первый академический подход в исследовании западного эзотеризма» (с. 26). Диссертант относит к ним «частную спонсорскую поддержку деятельности круга, что давало возможность быть самостоятельными и независимыми от современной академии, и личную заинтересованность в изучаемой теме» (Там же). Но это не объясняет главного: почему таким образом смог впервые сложиться именно *академический* подход. Иначе говоря, почему академия сделалась столь «эластичной» в то время, что смогла вобрать в себя хотя бы на правах периферийного явления мистоцентрическое и религиознистское изучение

эзотеризма? Если конкретнее, то почему кто-то нашёл разумным и, может быть, перспективным спонсировать деятельность *этого рода* и почему сами её субъекты – впервые с XVIII века – решили, что их «личная заинтересованность» в эзотерической проблематике может реализоваться в академическом формате (а не в условиях культурного подполья)?

Вопрос, который бы хотелось задать соискателю, состоит в следующем. Определяя одно из ключевых своих понятий: подход к исследованию эзотеризма, автор понимает под ним «систему артикулированных или неартикулированных установок ученого» (с. 18). При этом в автореферате (и, кажется, в диссертации) выявленные установки нигде не делятся по данному признаку. Не мог бы автор привести примеры действия именно неартикулированных и, ещё лучше, неосознаваемых тем или иным учёным установок, обуславливающих его исследовательскую работу. Как различаются между собой «четыре базовых подхода» с точки зрения удельного веса именно таких установок?

Сделанные замечания имеют дискуссионный характер и не умаляют высокую оценку, которую безусловно заслуживает исследование П.Г. Носачева. Как явствует из содержания автореферата, представленная диссертация соответствует всем требованиям, предъявляемым к классификационным работам такого рода, а ее автор достоин присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

3.04.2018

Антон Владимирович Карабыков



Доктор философских наук (специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры), кандидат филологических наук (специальность: 10.02.19 Теория языка), профессор кафедры философии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет»

644050 Омск, проспект Мира, 11

[meavox@mail.ru](mailto:meavox@mail.ru) 8(3812)21 77 89 (раб.)

